

Образ врага
в народном
сознании и
подсознании с. 9

Капитан и его
армия: комментарий
к «Капитанской
дочке» с. 17

«Мальчики
и девочки,
застигнутые
войной» с. 31

Как «работают»
рукописи
Александра
Солженицына с. 39

Полный вариант статьи
см. в Личном кабинете

Александр Львович ЛИФШИЦ,
доцент факультета филологии НИУ ВШЭ

Капитан и его армия:

опыт комментария к «Капитанской дочке»

Слова о том, что всякий художник создаёт свою реальность, давно стали истёртой банальностью. Но вот посмотреть, чему именно оказывается параллельна реальность, создаваемая художником, порой оказывается весьма занятно. Тем более, если речь идёт о Пушкине.

Летом 1744 года лейб-гвардейский Преображенский полк должен был оставить место прежней дислокации в селе Преображенском, по которому и получил когда-то своё название, и сменить Москву на «Санкт-Петербург», как это означено было в присланных распоряжениях.

После походов Турецкой войны 1735–1739 годов и затем за время пребывания вблизи первопрестольной с её полудеревенским обиходом и относительной вольницей даже главный гвардейский полк стал тяжёл на подъём, а из служащих в нём многие обросли семьями и хозяйством. К тому же далеко не каждый справился бы с долгим пешим переходом на новое место службы.

По сей немаловажной причине в штаб полка посланы были бумаги, предписывающие освидетельствовать личный состав на предмет годности к прохождению дальнейшей службы солдат («гранодеров» и бомбардиров, по тому, к какой роте они были причислены) и капралов, а также «ундер-афицеров», то есть сержантов, фурьеров и каптенармусов. Иными

словами, всех тех, кто по своему чину не попадал в число чинов, учтённых в четырнадцати классах составленной Петром I и действовавшей до 1917 года «Табели о рангах».

Записи о результатах работы военно-медицинской комиссии, к счастью, сохранились в архиве канцелярии лейб-гвардии Преображенского полка, чем могут похвастаться далеко не все архивы полковых канцелярий осмнадцатого столетия, если они вообще дошли до нас. Из сохранившихся же бумаг Преображенского полка следует, что из созданного первым российским императором, но уже давно не потешного полка в 1744 году по медицинским показаниям было отчислено не так уж мало – 201 человек младших чинов.

В основном уволенные из полка относились к крестьянскому сословию, но иногда в списках попадаются выходцы из купечества, однодворцы или какие-нибудь вовсе захудалые дворяне. Однако «выключение из полку» предполагало, что отставленных от службы необходимо было куда-то

определить, поскольку подданный Российской империи не мог просто так перестать быть учтённым в одном месте и при этом не встать на учёт в другом.

В результате примерно третья часть солдат была отправлена на «своё пропитание», где они должны были войти в число налогооблагаемых жителей империи. Как раз среди этих-то воинов и обретаются те тёртые-перетёртые счастливицы, которые знали, куда им идти, которые плелись нога за ногу в свои деревни, дурили по пути доверчивых пейзажников, купцов или священнослужителей, обводили нечистого вокруг пальца, варили кашу из топора, а также попадали в иные бытовые сказки благодаря проказам, которые не вдруг решишься пересказать в обществе прекрасных дам.

Впрочем, едва ли стоит считать сказочные истории о подвигах немногих свидетельством об общем состоянии отслуживших своё солдат.

В отличие от сказки документ безжалостен и бесстрастно рассказывает о болезнях и увечьях списанных служивых. Выбитые суставы, чахотка, недостающие «персты», грыжи, старые раны, плохое зрение, слабость в ногах – далеко не полный перечень причин увольнения со службы, а перечисленные – ещё далеко не самые страшные. Один «скорбен животом», другой не владеет правой

рукой, третий ранен в голову. У некоего Ивана Ватулина «правой бок прошибен рогаткою», а несчастный Пётр Пахолков запустил «французскую» болезнь до того, что у него «нёбо прогнило»... Однако самый распространённый диагноз, поставленный большинству гвардейцев, таков: «стар и дряхл».

При этом вовсе не все могли надеяться на собственные силы или, например, родню, которая захочет взять на себя пропитание давно забытого и числящегося среди умерших и уж вовсе отвыкшего от их уклада жизни старика и калеки. Такие распределялись по монастырям, а на деле – по плохоньким богадельням при монастырях, где в дальнейшем и обречена была протекать их убогая старость.

Другая часть служивых, не имеющих возможности добыть пропитание самостоятельно, но ещё хоть к чему-то годных, попадала в так называемый «оставной гвардии Московский батальон». Это подразделение находилось в Москве и было составлено из неспособных к службе чинов гвардейских полков. Относительный гуманизм властей по отношению к тем, кому удалось остаться в живых в многочисленных военных кампаниях, превращал известную часть русской армии в подобие богадельни. Ведь кроме гвардейских полков существовали куда более многочисленные полки армейские.

Немалая часть уволенных оказывалась «назначена для определения к делам». Следовательно, мы можем предположить, что степень увечности этих гвардейцев была не столь значительна, как у их отправленных в монастыри собратьев, хотя медицинские диагнозы у «назначенных к делам» те же самые: «стар и дряхл», «глазами болен», «правою рукою не владеет и ногами худ», «стар и дряхл и животом скорбен» и т.д. Можно разве что догадываться, что старые и дряхлые из этого списка оказывались чуть менее дряхлыми, чем те, что попадали в монастыри под опеку чёрного духовенства. При этом они были вовсе не менее старыми, поскольку средний возраст тех, кто принужден был оставить свой полк, приближался к шестидесяти. Изредка встречающиеся в списках вполне молодые люди, получившие увечье, и старики, перевалившие семидесятилетний рубеж, не меняют общей картины.

Дела, к которым определялись негодные к службе нижние чины, были известны: в частности, они несли вахту на городских заставах, да и вообще там, где ни к чему было держать боеспособное войско. И вот усердие бравых некогда служак уместно впрыгивает в полусуточный стих Пушкина вместе с возможностью замёрзнуть насмерть в пути или попасться в руки разбойника:

...Иль мне в лоб шлагбаум влепит
Непроворный инвалид...

▲ Капрал и фурьер Мушкетёрских рот Пехотного полка, с 1763 по 1786 г. Литография. 1841 г.

Кстати, и Московский лейб-гвардии батальон, учреждённый в царствование Екатерины I в 1764-м году, при другой императрице, носившей то же имя, оказался распущен, а взамен была сформирована лейб-гвардии Муромская команда, известная также под названием «инвалидной».

Инвалидную команду, собранную из не до конца беспомощных, а когда-то обычных солдат гвардейских или армейских полков обнаруживаем мы в Белогорской крепости, когда Пётр Андреевич Гринёв на второй день своего пребывания в гарнизоне одной по пути к командиру гарнизона застаёт «на площадке человек двадцать стареньких инвалидов с длинными косами и в треугольных шляпах», которых пытается обучать капитан Миронов. Потом под тем же именем гарнизонные солдаты появляются вновь: дуэль Гринёва со Швабриным прерывается потому, что «из-за скирда вдруг появился Иван Игнатъич и человек пять инвалидов».

Это как раз они – старые и дряхлые воины, начинавшие службу ещё в предшествующие царствования, побитые в сражениях Семилетней войны или очередной Турецкой кампании, – доживают свой век в мирном захолустье и, сидя в сенях у своего капитана, пришивают синюю заплату к зелёному мундиру, потому ли, что глаза плохо видят, потому ли, что другой ткани на заплатку не нашлось, а ещё, конечно, и от полного безразличия к соблюдению условностей регулярной армии.

Попытки же капитана Миронова эти условности соблюсти обречены. Василиса Егоровна комментирует строевые занятия своего супруга так: «Только слава, что солдат учишь: ни им служба не даётся, ни ты в ней толку не ведаешь».

Каковы были эти инвалиды, мы уже знаем благодаря документам Преображенского полка. И напрасно было бы ждать, что эти brave воины смогли бы оказать достойное сопротивление Пугачёву, тем более ринуться в бой по команде храброго своего капитана, когда тот скомандовал им: «Ребята! вперёд, на вылазку, за мною!»

Впрочем, и офицеры Белогорского гарнизона заслуживают нашего пристального внимания. Надо сказать, что гарнизон Белогорской крепости по своему офицерскому составу был приравнен к роте, возглавлять которую как раз должен был капитан. В то время это был вовсе не маленький чин и достичь его было совсем не просто.

Вторым по старшинству лицом в роте, помощником и заместителем командира по штатному расписанию был поручик – офицер для поручений. Таков Иван Игнатъевич.

Иван Игнатъевич, очевидно, не молод. Он сам говорит о себе Гринёву, что ходил «под шведа и под турку: всего насмотрелся». По всей видимости, мы должны сделать вывод о его участии в Русско-

шведской войне 1741–1743 годов, и, наверное, в Турецкой кампании, которая началась в 1768-м и продолжалась до 1774 года. Возможность участия Ивана Игнатъевича в предыдущей Русско-турецкой войне, длившейся с 1735 по 1739 год, представляется нам не слишком вероятной, поскольку он явно младше своего ротного командира. И если мы правы, то списан из действующей армии Иван Игнатъевич был как раз около 1768 года, коль скоро он воспринимается Гринёвым уже как старожил Белогорской крепости.

Весьма занятно, что Иван Игнатъевич аттестован Пушкиным как «гарнизонный поручик». Казалось бы, зачем добавлять к званию Ивана Игнатъевича этот эпитет?

К счастью, документы всё того же Преображенского полка удовлетворяют наше любопытство (а заодно и пристрастие к архивным экскурсам).

В уже указанном 1744 году среди «выключаемых из полку» нижних чинов обнаруживаем большого «раптурою» капрала Александра Апрелева, который из своих сорока лет в службе провёл двадцать, а теперь направляется в Государственную военную коллегию для определения в гарнизон поручиком.

Тут много занятных деталей. Документ упоминает, что капрал Апрелев происходит из дворян, а то, что за двадцать лет службы он стал только капралом, свидетельствует о каких-то особых качествах этого

▲ *Обер-офицеры Преображенского, Семеновского и Измайловского гвардейских полков, 1742-1762 гг. Литография. 1841 г.*

джентльмена, которые не могли позволить начальству произвести его хотя бы в сержанты. Это при том, что солдаты (гренадеры и бомбардиры) из дворян, конечно же, имели негласное преимущество перед своими сослуживцами из других сословий, несмотря на то, что Пётр I специально подчёркивал, что «мы для того никому никакого ранга не позволяем, пока они нам и отечеству никаких услуг не покажут».

Вторая странность касается стремительного повышения в чине. При переходе в армию (а переход из гвардии в армию – это более или менее стандартный способ приобрести чины) гвардии сержант (а иной раз в случае везения и гвардии капрал) обычно становился прапорщиком, перескакивая тем самым одну-две ступеньки карьерной лестницы. Производство капрала в поручики предполагало прыжок уже через четыре ступеньки, что, очевидно, должно было бы вызывать зависть у прочих капралов, если только не столь же очевидными для них были карьерный тупик гарнизонной службы и сопутствующие ему неудобства пребывания в полнейшем захолустье.

Третья странность – то самое заболевание, которое обнаружено было у капрала Апрелева. Что именно обозначали словом «раптура» в середине XVIII века, не вполне ясно. Но так могли обозначаться различные заболевания неврологического или даже психического характера от эпилептических судорог до экзотических состояний, свойственных страдающим биполярным расстройством, известным также как маниакально-депрессивный психоз.

Надо полагать, что служба гарнизонным поручиком была столь привлекательна, что никого лучше и способнее ментально не вполне сохранного капрала Преображенского полка найти на неё не смогли.

Впрочем, возвращаясь к повести Пушкина, мы видим, что в Белогорской крепости всё обстояло не так плохо. Иван Игнатьевич всего лишь крив на один глаз, что, тем не менее, не должно заставить нас сомневаться в том, каким образом он попал в гарнизонные поручики.

Сам же пожилой поручик сообщает нам ещё один способ оказаться в гарнизонной дыре: «за неприличные гвардии офицеру поступки». Так в Белогорской крепости оказывается Алексей Иванович Швабрин, который был «за душегубство из гвардии выписан», как об этом повествует Василиса Егоровна. Отметим между тем, что мы не знаем, ни в каком чине был Швабрин в гвардии, ни какое место занимал он в иерархии защитников Белогорской крепости. Поскольку Гринёв описывает его как офицера, то надо полагать, он был переведён в гарнизон в том же чине, в каком был в гвардии, но едва ли старше подпоручика, поскольку поручик обычно в роте числился лишь один.

На первый взгляд, проще всего с Петром Андреевичем Гринёвым, который в четвёртой главе повести «был произведён в офицеры», то есть получил первый «классный» чин (чин четырнадцатого класса), стал прапорщиком, что равнялось коллежскому регистратору гражданской службы. Как мы знаем из десятой главы, именно прапорщиком называет его генерал на военном совете. Однако и здесь есть странность.

Как сказано в первой главе повести, Пётр Андреевич ещё до рождения был записан в сержанты лейб-гвардии Семёновского полка.

Случаи, когда дворянин младенцем записывался в полк, а потом числился «в отпуску» до завершения обучения, в то время как ему присваивались чины за выслугу лет, весьма нередки, хотя это «законное обычное злоупотребление», по словам Ю.М. Лотмана, доступно было всё же меньшинству.

Но, насколько известно, записывались дворяне в службу никак не сержантами, поскольку по действовавшим петровским законам дворянин должен был начинать службу в армии солдатом. Так, рейтаром – то есть рядовым – лейб-гвардии Конного полка записан в раннем детстве отпрыск одного из богатейших семейств России будущий екатерининский вельможа и меценат Николай Борисович Юсупов (1750–1831), который не на много старше был по возрасту героя «Капитанской дочери».

В реальности, надо думать, Пётр Гринёв был бы записан в полк гренадером и ко времени, когда ему следовало бы явиться к службе, «дослужился» бы до сержанта.

Едва ли Пушкин не знал этого. Скорее, слова его персонажа следует воспринимать как своеобразный иронический эллипсис, при котором пропускается запись в солдаты младенца (в случае Гринёва – нерождённого ещё) и дальнейшее присвоение ему чинов, а сообщается только достигнутый результат, как если бы Петруша и впрямь был записан в сержанты.

Как бы то ни было, гвардии сержант прибывает в Оренбург, и из письма его отца в конце второй главы мы узнаём, что неназванному по фамилии оренбургскому генералу Андрею Карловичу предстоит «отписать в Семёновский» о переводе Петруши Гринёва офицером в «*** полк».

Надо сказать, что бюрократические процедуры XVIII столетия были весьма строги, и нам не вполне понятно, в каком чине и качестве отправляется служить в Белогорскую крепость этот молодой человек. Ведь, будучи формально сержантом Семёновского полка, он не мог находиться в подчинении у армейского начальства. А в первый офицерский чин Гринёв оказывается произведён лишь спустя несколько недель после приезда в крепость – время, очевидно, потраченное на посылку необходимых бумаг в Семёновский полк и получение соответствующего приказа о переводе из гвардии в армию.

Разве что, зная особенность протекания службы отечеству в провинции или просто не на виду у начальства, можно предположить, что Андрей Карлович, несмотря на свой немецкий педантизм, давно обрусел и привык обращаться с вверенными его заботам военнотружущими самым домашним обычаем. Впрочем, Пётр Гринёв, как и положено гвардии сержанту при переходе в армию, становится прапорщиком.

Но, пожалуй, интереснее всего разобраться с самим капитаном Мироновым.

Примечательно, что в третьей главе, по дороге в Белогорскую крепость, Гринёв представляет капитана Миронова стариком. Иными словами, типичный комендант затерянной в степи крепости виделся герою Пушкина да, вероятно, и самому автору, человеком совсем немолодым.

Известно, конечно, что, собирая материалы для «Истории Пугачёва», Пушкин не пренебрегал рассказами своего старшего собрата по писательскому цеху Ивана Андреевича Крылова, чей отец, Андрей Прохорович, выслужился из солдат и дослужился до капитана вовсе не в старых летах. Именно в этом чине деятельный 35-летний Крылов (1738–1778) принимает непосредственное участие в защите яицких крепостей от Пугачёва. Однако столь стремительная карьера для выходца из низшего сословия была несомненным исключением. Поэтому ожидания Гринёва оправдываются: впервые увиденный им капитан Миронов предстаёт «стариком бодрым и высокого роста» с долгой службой за плечами, срок которой, если и не равнялся сорока годам, как говорит об этом супруга Ивана Кузьмича в шестой главе, то едва ли был многим меньше.

Говоря о коменданте Белогорской крепости, Пушкин дважды вкладывает в уста своих героев одни и те же эпитеты. Сначала генерал Андрей Карлович отзывается о нём как о «добром и честном» человеке,

затем и Петруша Гринёв свидетельствует, что «Иван Кузьмич, вышедший в офицеры из солдатских детей, был человек необразованный и простой, но самый честный и добрый».

К отсутствию образования мы вернёмся чуть позже, а сейчас попробуем реконструировать военную карьеру капитана Миронова.

В XVIII столетии первый же офицерский чин, полученный на военной службе, давал право на потомственное дворянство, и Миронов стал дворянином в тот самый момент, когда произведён был в первый офицерский чин (прапорщики или подпоручики – в зависимости от обстоятельств). О том, что это было предметом гордости Ивана Кузьмича, сообщает висевший в комендантском доме на стене «диплом офицерский за стеклом и в рамке».

Заметим попутно, что для молодого человека, влюблённого в Марью Ивановну, такого буквально заслуженного дворянства было достаточно, хотя, разумеется, в глазах отца Петра Андреевича дворянин Миронов и его семейство с «одной девкой Палашкой» и инвалидом вместо дворни вовсе не были Гринёвым ровней.

Вопрос, как мог дослужиться до капитана человек, происходящий из солдатских детей?

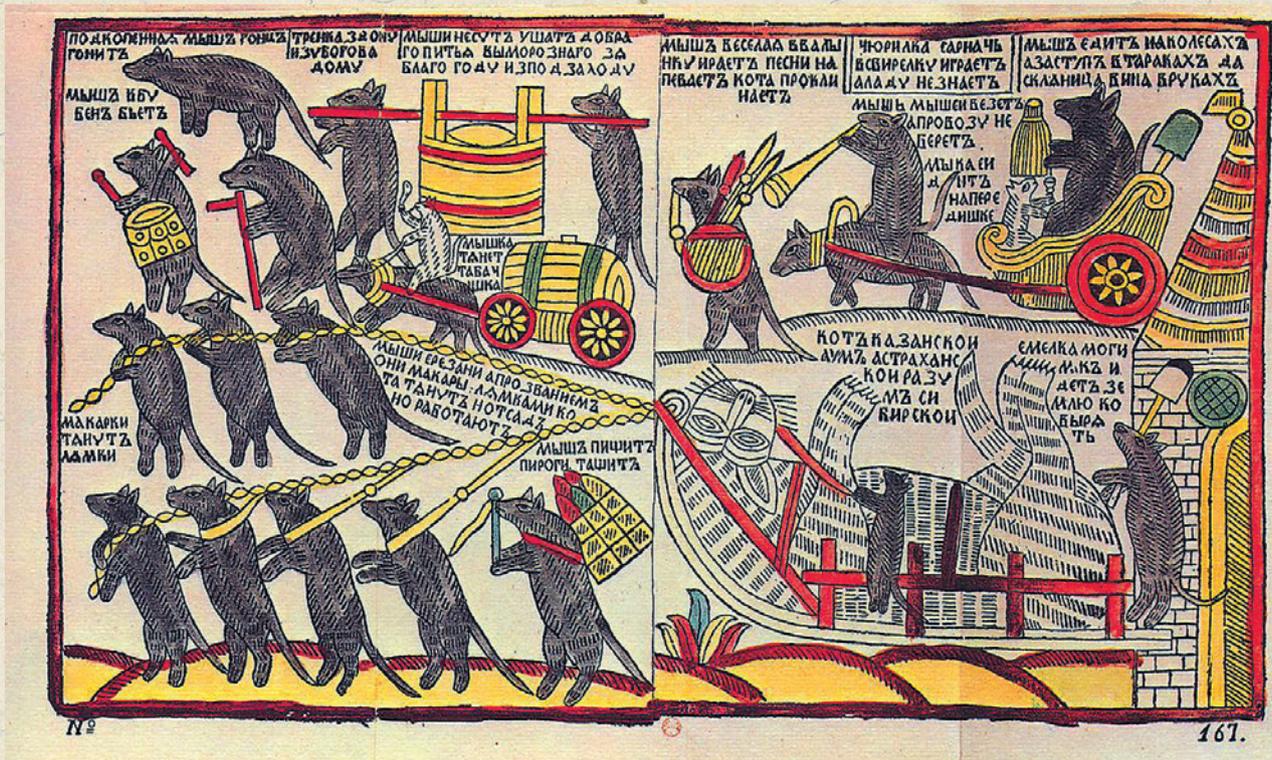
Пушкин оставляет нам подсказки, повешенные на самом видном месте. Рядом с офицерским дипломом в горнице у коменданта висят «лубочные картинки, представляющие взятие Кистрина и Очакова» – вероятно, гравированные изображения осады этих крепостей русскими войсками, соответственно, в 1758 и 1737 годах.

Что это были за картинки, установить непросто, поскольку не так уж хорошо и полно мы знаем, какие гравированные листы могли ходить по рукам в 70-е годы XVIII века и какие из них мог видеть Пушкин. Заметим только, что лубками могли называться не только вырезанные на липовых досках и отпечатанные с них картинки, но и любые раскрашенные от руки эстампы вне зависимости от техники их исполнения.

Немаловажно также, что крепость Кюстрин на реке Одер (современный городок Костшин-над-Одрой в Польше) была почти полностью разрушена, но так и не взята русскими войсками, и изображения её осады и штурма едва ли должны были вдохновлять русских гравёров, в то время как для против-

▲ Бомбардировка крепости Кюстрин русскими войсками. Гравюра, 1759 г.

ной стороны несдавшаяся крепость была поводом для гордости и немецкие изображения её обстрела русскими войсками известны, в том числе в составе сборника гравюр, посвящённых войне с Россией.

Значение этих висящих на стене батальных картинок Пушкин иронически оттеняет, помещая в соседство с ними «Выбор невесты» и «Погребение кота».

Как отметил известный историк литературы А.Л. Осповат, к работе которого мы с удовольствием отсылаем заинтересованного читателя, «обе лубочные пары отчётливо противопоставлены в жанровом плане», причём первая пара «подключает мотив долгой военной карьеры капитана Миронова, в то время как вторая ассоциируется скорее с невзыскательным вкусом человека необразованного и простого, вышедшего в офицеры из солдатских детей» (<http://www.ruthenia.ru/document/530953.html>).

Оставляя в стороне остроумные выводы исследователя о том, что могло быть изображено на картинках и в какой тонкой игре приглашал читателя принять участие Пушкин, скажем, что простонародные лубки с похоронами кота или сватовством должны, вероятно, куда больше отражать вкусовые предпочтения супруги коменданта крепости, чем его самого, а вот висящие рядом с офицерским дипломом батальные сцены могли иметь непосредственное отношение к военной карьере их владельца.

Содержанию этих гравированных на меди скорее, чем вырезанных на дереве, картинок вторит горестный плач Василисы Егоровны, увидевшей своего супруга злодейски убитым: «Свет ты мой, Иван Кузьмич! удалая солдатская головушка! не тронули тебя ни штыки прусские, ни пули турецкие...»

▲ «Как мыши кота хоронили». Лубочная картинка, популярная с конца XVII столетия

Нет сомнения, что служить капитан Миронов начинал во время Русско-турецкой войны, когда русскими войсками под командованием фельдмаршала Миниха (1683–1767) в 1737 году впервые была взята турецкая крепость Очаков. При этом службу свою происходящий из солдатских детей Иван Кузьмич должен был начать довольно юным. Очевидно также, что без его участия не обошлась Семилетняя война (1756–1763), та самая, во время которой в 1758 году русские войска неудачно осаждали Кюстрин. Вроде бы возможному участию Ивана Кузьмича в Семилетней войне противоречат слова Василисы Егоровны о том, что их с супругом из полка перевели в крепость «лет двадцать назад», но время в отсутствие событий летит незаметно, да и прехрабрая жена коменданта на точности летосчисления не настаивает. Кроме того, кажется, больше негде было капитану Миронову познакомиться с прусскими штыками.

Что же до службы его, то напомним одну деталь: Гринёв, увидев капитана Миронова впервые, характеризует его как высокого старика, что делает весьма вероятным начало службы Ивана Кузьмича в одном из четырёх (три пехотных и один кавалерийский) существовавших в царствование Анны Иоанновны гвардейских полков, поскольку, как известно, низшие чины подбирались в гвардию по своим физическим данным.

Из уже приведённых выше слов Василисы Егоровны о том, что Иван Кузьмич «службы не знает», можно с уверенностью заключить, что получением чинов комендант Белогорской крепости обязан был своей храбрости более, чем строевой дисципли-

не. А участие в боевых действиях – прекрасная возможность получить следующий чин, если ты, конечно, остаёшься в живых.

После окончания Турецкой кампании Миронов мог быть произведён из гренадеров в капралы. А наступившее вскоре царствование Елизаветы Петровны принесло в российскую жизнь немало нового, а также кое-что из хорошо забытого старого, что могло весьма способствовать карьерному росту неглупых молодых людей.

В середине 1740-х годов наследник престола великий князь Пётр Фёдорович, чьи умственные способности и человеческие достоинства история склонна недооценивать (не в последнюю очередь благодаря стараниям Екатерины II, весьма заинтересованной в оправдании устроенного ею дворцового переворота), предпринимает ряд шагов в пользу отечественного просвещения.

Так, в гвардейских полках вновь создаются школы для младших чинов, не достигших 25 лет (Иван Кузьмич годится по возрасту!), при этом по полкам объявляется буквально следующее: «Те, кои выучатся хотя одной нужной части, произведены будут чинами по их достоинству. А которые выучат больше нужной части, и за то с похвалою произведены будут чинами ж». Кстати, в программу обучения входили иностранные языки: немецкий и французский, для чего за немалую плату нанимался специальный преподаватель-иностранец.

А в назидание прочим приказами по полку объявлялось о том, кто именно за хорошую учёбу был произведён в следующий чин: учись – и у тебя появится шанс на несколько иную жизнь!

Вот прекрасная возможность капралу Миронову стать сержантом! Ещё лет десять, и сержант может стать каптенармусом, перевестись из гвардии в армию уже в подпоручики, офицером принять участие в новой войне и быть произведённым в поручики, например, при Кюстрине, а затем за выслугу лет занять покойную и не весьма обременительную должность капитана отдалённого гарнизона.

Кстати, о том, что Иван Кузьмич получает свою должность не по болезни, свидетельствует тот же Гринёв, называя коменданта стариком не только высоким, но и бодрым. И старику, кстати, вполне могло не быть ещё и пятидесяти пяти лет.

Честный, добрый человек, необразованный и простой...

Первые две характеристики Ивана Кузьмича не нуждаются вроде бы в обсуждении. Но необразованный?

Увлёкшись рассказом о достижениях российской военной педагогики и возможностях карьерного роста, мы совсем забыли сказать, что со времени Елизаветы Петровны неграмотный военный служащий не имел шансов быть произведённым в офицеры. Так что

читать и писать капитан Миронов умел несомненно! Впрочем, в неграмотности его, кажется, никогда не подозревали. Но, вероятно, только его заботам, если не прямому участию, обязана своей грамотностью Марья Ивановна, коль скоро подаёт она императрице при утренней встрече в парке «сложенную бумагу» – прошение, написанное ею собственноручно. Ведь пространство повести не оставляет места для какого-нибудь резвого площадного подьячего, готового составить любому просителю нужную бумагу за тяжёлый пятак екатерининской чеканки. Да и не читала бы такую бумагу, сидя на парковой скамье, милостивая дама с собачкой.

А чтобы написать бумагу, которую станет читать императрица, Марья Ивановна должна была и сама знать что-то, кроме часословца и псалтыри, и писать не так, как выучил бы её отец Герасим.

Известно, что уже упоминавшийся нами капитан Крылов оставил в наследство своему старшему сыну сундук с книгами (в том числе французскими), которые собирал и бережно хранил и по которым будущий баснописец потом учился читать. А между тем и о формально полученном образовании Андрея Прохоровича тоже ничего неизвестно.

Напомним, что изображение «взятия Кистрина», вероятнее всего, происходило из книги, увидевшей свет в Германии, да и картинка со штурмом Очакова едва ли могла не быть напечатанной в Европе.

А значит, так ли уж необразован был простой капитан Миронов?

И, возможно, простой капитан Миронов вовсе не прост? И уж точно иначе прост, чем фонвизинские Простаковы. И, предпосылая третьей главе повести эпиграф из комедии Фонвизина, не предлагает ли нам Пушкин догадаться об этом? Догадаться, что простота не противопоставляется вовсе образованности, как это утверждала следующая за автором «Недоросля» традиция. Что есть простота, которая куда ценнее образованности.

Эта простота капитана Миронова – в отсутствии чего-то нарочитого и деланного в отношениях со своими ли, с неприятелем ли, да и с жизнью, в прямоте и честности, в отсутствии всякого желания казаться кем-либо иным, чем он есть. Конечно, Иван Кузьмич не образован. Он – целен, и эта цельность и целомудрие – как раз то, что так желает разглядеть в минувшем столетии Пушкин-историк.

Пушкин-историк вникает в подробности прошедшей жизни, и не прописанные на страницах повести биографии его героев чрезвычайно достоверны. А Пушкин-писатель создаёт уже названную им в «Дорожных жалобах» 1829 года архетипическую картину удалённой от столиц и перемещающейся вдоль верстовых столбов, а больше по просёлкам или напрямую по степи русской жизни: буран и возможность насмерть замёрзнуть, разбойник и непроворные инвалиды в Богом забытой крепости на берегу Яика.